

«ИЗ СКАЗКИ – В СКАЗКУ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ И СЕРГЕЯ ЭФРОНА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Наталья Туганова

Европейский гуманитарный университет

...ранняя встреча с человеком из прекрасных – прекраснейшим, долженствовавшая быть дружбой, а осуществившаяся в браке. (Попросту: слишком ранний брак с слишком молодым)

М. Цветаева

«Из сказки в сказку» – одно из первых стихотворений, посвященных Мариной Цветаевой Сергею Эфрону. Всего Эфрону посвящено около двадцати стихотворений, датированных 1911–1922 гг. Персонаж этих текстов – бабушкин внучек, маленький мальчик («Бабушкин внучек», 1911), мальчик, боящийся темноты («Бабушкин внучек», 1911; «Контрабандисты и бандиты», 1911; цикл «Венера» [«В небо ручонками тянется...»], 1911), темнокудрый мальчуган (цикл «Венера», [«Ах, недаром лучше хлеба...»], 1911), юный царевич («Сергею Эфрону-Дурново», 1913), малютка-мальчик, молодой генерал, ребенок и герой («Генералам 12-го года», 1913), воин молодой, юноша, дитя, ребенок, отрок (цикл «Разлука», 1921), журавль младший во всей стае, юнец (цикл «Благая весть» [«Жив и здоров!»], 1921), юнец (цикл

«Благая весть» [«Над спящим юнцом – золотые шпоры...»], 1921), пречистый юноша (цикл «Георгий» [«Синие вёрсты...»], 1921). Эфрону посвящается второй сборник стихотворений Цветаевой «Волшебный фонарь» (1912), изданный в созданном Цветаевой и Эфроном, стилизованном под детское, издательстве «Оле-Лукойе». Этот сборник содержит три раздела «Деточки», «Дети растут», «Не на радость». Критики отмечают его «детскость»¹, «ребячливость»², «полудетский, полуотроческий мир» книги³, представляющий «ряд милых картинок детских и юношеских лет»⁴.

Атрибуты, сопровождающие Эфрона в стихотворениях Цветаевой, – это шпаги («Бабушкин внучек», 1911; «Сергею Эфрону-Дурново», 1913; «С.Э.» [«Я с

¹ Н. Гумилев, *Сочинения в 3 т. Т.1. Письма о русской поэзии*, Москва: Художественная литература, 1991, с. 103.

² С. Городецкий, «Женское рукоделие», *Марина Цветаева в критике современников: В 2-х ч. Ч.1. 1910-1941 годы. Родство и чуждость*, Москва: Аграф, 2003, с. 48-49.

³ М. Цейтлин, «Заметки любителя стихов: о самых молодых поэтах», *Марина Цветаева в критике современников*. Ч.1, с. 41.

⁴ С. Логунов, «Обзор книг и журналов», *Марина Цветаева в критике современников*. Ч.1, с. 51.

вызовом ношу его кольцо...»], 1914; цикл «Благая весть» [«Жив и здоров!»], 1921), кинжалы и пистолы («Контрабандисты и бандиты», 1911), кортик и погоны («На кортике своем: Марина...», 1918), мальтийская сталь (цикл «Благая весть» [«Под горем не горбясь...»], 1921), мальтийское золото, мальтийская шпага, мальтийский орден (цикл «Георгий» [«Не лавром, а терном...»], 1921), золотые шпоры (цикл «Благая весть» [«Над спящим юнцом – золотые шпоры...»], 1921), которые превращают его в драгуна, декабриста и версальца («Сергею Эфрону-Дурново», 1913), рыцаря («С.Э.» [«Я с вызовом ношу его кольцо...»], 1914) и в Георгия Победоносца (цикл «Георгий», 1921).

Корпус стихотворений, посвященных Эфрону, можно разделить на две группы: стихотворения, написанные в первые годы знакомства и брака, и стихотворения, написанные во время разлуки Цветаевой и Эфрона. Цветаева и Эфрон знакомятся в 1911 г., а в 1912 г. состоялось их венчание. В 1917 г. Эфрон оканчивает юнкерское училище и участвует в Белом Движении. После долгой, почти пятилетней, разлуки летом 1921 г. Цветаева получила первую весточку от мужа, и в 1922 г. они встречаются в Берлине. Если первая группа стихотворений реконструирует мир детской комнаты, что соответствует общей поэтике стихотворений Цветаевой той поры, то вторая группа стихотворений восходит к стилистике заплачки, к фольклору, представляет монолог страдающей женщины, которая беспокоится о судьбе любимого, что отвечает изменившейся манере письма

Цветаевой, которая обращается к фольклорным мотивам (в начале 1920-х г. Цветаева пишет несколько поэм-сказок: «Царь-Девица» [1920], «На Красном Коне», «Егорушка» [1921], «Переулочки» [1922], «Молодец» [1922]). Текстуальная стратегия выстраивания фигуры Эфрона в стихотворениях 1911–1913 гг. и 1921–1922 гг. практически не меняется: если в первой группе стихотворений он представляется маленьким мальчиком, «бабушкиным внучком» с игрушечной шпагой, то во второй группе наращивается количество военной атрибутики, и Эфрон здесь юный воин, «журавль младший во всей стае»⁵.

После 1922 г., когда Цветаева встретила с Эфроном, только спустя шесть лет (в 1928 г.), возвращаясь к теме Добровольчества, она пишет поэму «Перекоп», которую посвящает мужу. Эфрон изымается из текстов Цветаевой, из «жизни в тетради», как она это называет, но происходит также и расхождение в «жизни в днях». В письме от декабря 1923 г. Эфрон пишет их с Цветаевой общему другу Максимилиану Волошину: *«Когда я приехал встретить М<арину> в Берлин, уже тогда почувствовал сразу, что М<арине> я дать ничего не могу. Несколько дней до моего прибытия печь была растоплена не мной. На недолгое время. И потом все закрутилось снова и снова. <...> Жизнь моя сплошная пытка. Я в тумане. Не знаю, на что решиться. Каждый последующий день хуже предыдущего. Тя-*

⁵ При этом в 1922 г. Эфрону уже 29 лет и называть его юным воином, «младшим во всей стае» можно с большой натяжкой.

гостное “одиночество вдвоем”»⁶ Почему так происходит?

Хотя Цветаева после 1922 г. не писала произведений, посвященных Эфрону, его «следы» можно найти во многих ее автобиографических текстах. Это «следы» двух типов: первая большая группа фрагментов автобиографических текстов (чаще всего такие фрагменты встречаются в письмах и записных книжках) представляет бытовые факты, по которым можно реконструировать детали биографии Эфрона. Вторая группа – это отвлеченные рассуждения об Эфроне. Таких фрагментов в текстах Цветаевой немного, но они дают представление об актуальной для Цветаевой модели конструирования своих отношений с Эфроном, которая объясняет, почему ей не удается вписать мужа в текст.

В очерк об Осипе Мандельштаме «История одного посвящения» (1931) Цветаева включает сцену ее знакомства с Эфроном. Она представляет свой диалог с Волошиным, в доме которого в Коктебеле они познакомились: *«Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень. – Марина! (Вкрадчивый голос Макса) – влюбленные, как тебе может быть известно, – глупеют. И когда тот, кого ты полюбишь, принесет тебе (сладчайшим голосом)... бульжник, ты совершенно искренне поверишь, что это твой любимый камень. <...> А с камешком сбылось, ибо С. Я. Эфрон, за которого я, дождавшись его восемнадцатилетия, через полгода вышла замуж, чуть ли не в пер-*

⁶ М. Цветаева, *Неизданное. Семья: история в письмах*, Москва: Эллис Лак, 2012, с. 306-307.

*вый день знакомства отрыл и вручил мне – величайшая редкость! – генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной»*⁷. Ранее в письме к эпистолярному возлюбленному Александру Бахраху⁸ Цветаева без указания имени также представляет сцену знакомства с Эфроном: *«Однажды, когда мне было 17 лет⁹, один человек говорил мне, что меня любит. – “Отыщите мой любимый камень на этом побережье”, ответила я: “тогда я поверю, что Вы меня любите”. Дело было в Крыму и побережье длилось на несколько верст»* (СС-6, Бахрах, 590).

Загадка о сердолике отсылает к волшебной сказке и «заданию жениху» царевны-невесты. Как пишет Владимир Пропп в своей классической работе «Морфология волшебной сказки», «раньше, чем вступить в брак, она [царевна] испытывает жениха, задавая ему различные трудные задачи. Мотив “трудных задач” – один из самых распространенных в сказке»¹⁰.

⁷ М. Цветаева, «История одного посвящения», *Собрание сочинений в 7-ми томах*, Москва: Эллис Лак, 1994–1995, с. 149-150. Далее цитируемые по этому изданию тексты Цветаевой будут указываться следующим образом: СС-номер тома, название произведения или адресат письма, страница.

⁸ Александр Бахрах – литературный критик и мемуарист русского зарубежья. Был литературным секретарем Ивана Бунина, о чем написал книгу воспоминаний «Бунин в халате».

⁹ На самом деле в момент знакомства Цветаевой с Эфроном, ей было 18 лет, а Эфрону 17. Позднее Цветаева будет уменьшать свой возраст на два года или «забывать» дату рождения Эфрона и «становиться» младше мужа: *«муж, за которого я вышла замуж, когда ему было 18 лет, а мне не было 17-ти»* (СС-7, Ломоносова, 314), *«Мой муж – всю молодость был добровольцем, ему скоро 31 (мне будет 31 в сентябре)»* (СС-7, Рильке, 63).

¹⁰ В. Пропп, *Морфология волшебной сказки*, Москва: Лабиринт, 1998, с. 381.

Мотив «трудных задач» и конструирование отношений с Эфроном по модели волшебной сказки поддерживает и следующий фрагмент в очерке-некрологе о Волошине «Живое о живом» (1932), который пишется меньше чем через год после очерка «История одного посвящения»: *«В первый же день приезда в Коктебель – о драгоценных камнях его побережья всякий знает – есть даже бухта такая: Сердоликовая, – в первый день приезда в Коктебель я Макс: “М. А., как вы думаете, вы могли бы отгадать, какой мой самый любимый камень на всем побережье?” И уже час спустя, сама о себе слышу: – “Мама! Ты знаешь, что мне заказала М. И.? Найти и принести ей ее любимый камень на всем побережье!” Ну, не лучше ли так и не больше ли я?»* (СС-4, Живое о живом, 206). Этот фрагмент – вариант «загадки о камне», «трудной задачи» жениху. Задача задается, чтобы отыскать подлинного жениха. Макс не исполняет задание царевны-невесты, он – ложный жених. В этот же день (Цветаева приезжает в Коктебель 5 мая 1911 г., тогда же она знакомится с Эфроном) загадка задается Эфрому. И он выполняет задание. Для моих рассуждений также представляется важным то, что глава, в которую включен цитируемый фрагмент, называется «Макс и сказка».

Есть еще одна параллель в выстраивании текстуальных фигур Макса и Эфрона. Домашнее прозвище Эфрона – «лев», о чем свидетельствуют воспоминания дочери Цветаевой и Эфрона Ариадны Эфрон: *«Серезжа может очень хорошо нарисовать всё, что захочешь, всё, что ни попросишь. Особенно ему удаются*

*львы. Про львов он рассказывает сказки – самые мои любимые, и тут же рисует их на бумаге. <...> Папа и мама иногда называют друг друга шутя “лев” и “рысь”»*¹¹, *«Издавна и нежно повелось – Марина звала Серезжу Львом, Лёве, он ее – Рысью, Рысихой; сказочные эти клички вошли в домашний, семейный наш обиход, привычно подменяя подлинные имена»*¹².

В немногочисленных сохранившихся письмах Цветаевой Эфрому (письма, датированные 1916–1917 гг.) наиболее часто встречающееся обращение к мужу – «лев»: *«дорогая, милая Лёва», «Лув», «Лувенька», «Lou», «душенька ты моя лёвская», «милый/обожаемый/дорогой Лев», «Лёвашенька»*¹³. В очерке «Живое о живом», где Цветаева дает вариант загадки о камне, Волошин – *«Грива, переходящая в бороду, а из-под гривы маленькие белые сверла глаз. Этот лев самый похожий из всех портретов Макса. Этот лев – Макс, весь Макс, более Макс, чем Макс»* (СС-4, Живое о живом, 206).

У Волошина также есть вторая функция, отсылающая к волшебной сказке. Он – враждебно настроенный к жениху отец царевны-невесты.

В письме от 3 ноября 1911 г. Цветаева пишет Волошину: *«В январе я венчаюсь с Серезжей – приезжай. Будешь моим шафером»* (СС-6, Волошин, 56). Об от-

¹¹ А. Эфрон, <Попытка записей о маме>. <http://tsvetaeva.synnectoria.com/WIN/ariadna/zapmama.html> [14-09-2012]

¹² А. Эфрон, *О Марине Цветаевой*, Москва: Советский писатель, 1989, с. 179.

¹³ М. Цветаева, С. Эфрон, *«Нет на земле второго Вас...»*. Проза, стихи, письма 1911–1925, Москва: Вагриус, 2007, с. 57-68, 156-157.

вете Волошина можно догадываться по реакции Цветаевой в письме от 19 ноября: *«Ваше письмо – большая ошибка. Есть области, где шутка неуместна, и вещи, о которых нужно говорить с уважением или совсем молчать за отсутствием этого чувства вообще»* (СС-6, Волошин, 57). 3 декабря Цветаева высылает Волошину свою с Эфроном фотографию с подписью: *«Дорогой Макс, вот Сережа и Марина, люби их вместе или по отдельности, только непременно любви и непременно обоих»* (СС-6, Волошин, 57).

О враждебном отношении Волошина к свадьбе Цветаевой читаем и в очерке «Живое о живом», важном для понимания стратегий вписывания Эфрона в текст: *«В ответ на мое извещение о моей свадьбе с Сережей Эфроном Макс прислал мне из Парижа, вместо ободрения или, по крайней мере, одобрения – самые настоящие соболезнования»* (СС-4, Живое о живом, 191).

В случае Цветаевой литература имеет статус чего-то более достоверного, реального, чем события жизни, не опосредованные литературой: *«Потому что вовсе не: жить и писать, а жить – писать и: писать – жить. Т. е. всё осуществляется и даже живет (понимается (...)) только в тетради»* (СС-4, Из записных книжек и тетрадей, 606); *«все прошедшие через эту тетрадь, т. е. мою жизнь»*¹⁴; *«с лишней раз подтвержденной достоверностью, что всё, кроме писания – ничто»* (НСТ,

302). [Примеры можно множить]. Для конструирования текстуальной фигуры Эфрона Цветаева выбирает модель волшебной сказки, но сказка не предлагает никаких вариантов отношений после свадьбы, не предполагает рассказ о дальнейшей жизни героев, традиционная концовка волшебной сказки «жили они долго и счастливо». Структура волшебной сказки не позволяет Цветаевой вписать Эфрона в текст. Как позже признается Цветаева, *«ранняя встреча с человеком из прекрасных – прекраснейшим, долженствовавшая быть дружбой, а осуществившаяся в браке»* (НСТ, 270-271). Для конструирования в текстах дружеских или любовных (вне брака) отношений у Цветаевой было несколько литературных моделей¹⁵, но для моделирования отношений в браке подходящей литературной модели не находится.

Есть также еще несколько фрагментов в автобиографических текстах Цветаевой, объясняющих, почему Эфрон не может стать частью ее литературного мира.

В стихотворениях 1911–1922 гг. Эфрон из мальчика с игрушечной шпагой превращается в юного воина. Атрибуты, сопровождающие молодого воина, отсылают к небесным войскам. Его реквизиты – мальтийское золото, орден, шпага – превращают Эфрона в члена духовно-рыцарского Мальтийского ордена. Он также именуется святым великомучеником Георгием Победоносцем.

¹⁴ М. Цветаева, *Неизданное. Сводные тетради*, Москва: Эллис Лак, 1997, с. 230. Далее цитируемые по этому изданию тексты Цветаевой будут указываться следующим образом: НСТ, страница.

¹⁵ См.: Н. Боткина [Туганова], *Особенности структуры повествования в письмах: эпистолярный Марин Цветаевой....* Автореф. дис. др. филол. наук, Вильнюс, 2011.

При более поздних попытках инкорпорировать Эфрона в текст, когда военная атрибутика снимается ввиду «мирных» занятий Эфрона (он пытается писать докторскую диссертацию «Иконография Рождества Христова на Востоке», работает в эмигрантских журналах, снимается статистом в кино), он представляется божьим ангелом. В письмах к эпистолярному возлюбленному Николаю Гронскому¹⁶ есть следующий фрагмент: «С. из чистых сынов Божьих, меньше герой, чем святой. (В тебе совсем нет святости, другое ответвление божества) <...> Он – праведник, а в жизни – мученик. Ты ни то, ни другое, ты – Героїса чистейшей воды: чистейший мрамор. Ты все то же делаешь, что и С., но по другому, из-за другого. У тебя – честь, у него – любовь (совесть, жалость: Христос)»¹⁷, «но Ангел детей не может иметь ангельских, и Аля человек, хотя и С.Я. – вот то самое. Знаю другую родословную, здесь наследство есть – Аля дочка богини, значит...» (Гронский, 108). Цветаева противопоставляет своих богов и богов эпистолярного возлюбленного, который провоцирует ее на написание текстов (ему посвящаются стихи¹⁸, пи-

шутся письма, которые Цветаева после гибели Гронского в 1934 г. планирует опубликовать как третий том – «Письма того лета» – собрания сочинений молодого поэта¹⁹), и Бога Эфрона, которого она не может вписать в текст. Через два года, тому же адресату Цветаева объясняет это противопоставление: «раньше я, непрерывно греша перед Богом, была чиста перед богами, теперь, чиста или нет перед Богом – не знаю, но перед богами – грешна. Просто не успеваю писать, все важнее, чем мои стихи (не мне, – жизни!)» (Гронский, 169).

В мире Цветаевой Бог не связан с писанием, более того писание – грех перед Богом. Эфрон конструируется как божий ангел и не может быть вписан в текст. Здесь уместно вспомнить и такой бытовой факт, как день рождения Эфрона. День рождения Эфрона переносится на день памяти Сергея Радонежского, т.е. празднуется не день рождения, а именины или день Ангела²⁰. В русской культуре с именем Сергия Радонежского связана также практика «умной молитвы» (молчальничество исихазма) – мистическая практика православных монахов,

«Надгробие» (1935), очерк-некролог «Поэт-альпинист» (1934).

¹⁹ «А лучший том – когда-нибудь – будет наша [Цветаевой и Гронского] переписка, – Письма того лета. <...> Самые невинные и, м. б. самые огненные из всех *Lettres d'amour*» – М. Цветаева, *Письма к Анне Тесковой*, Болшево. Моск. обл.: «МУК Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшево», 2008, с. 215.

²⁰ Этот день совпадает с днем рождения Цветаевой. Разница между днем рождения Цветаевой и Эфрона – 3 дня (26 и 29 сентября), а 25 сентября по ст. ст. празднуется день памяти преподобного Сергия Радонежского, т.е. именины Эфрона, и это порождает легенду о том, что Цветаева и Эфрон родились в один день.

¹⁶ Николай Гронский – поэт «первой волны» эмиграции. В эмиграции с 1920 г., учился в Парижском и в Брюссельском университетах. Написал диссертацию о Гаврииле Державине. Погиб на станции парижского метро «Pasteur» в результате несчастного случая.

¹⁷ М. Цветаева, Н. Гронский, *Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов*, Москва: Вагнус, 2003, с. 90. Далее цитируемые по этому изданию тексты Цветаевой будут указываться следующим образом: Гронский, страница.

¹⁸ «Юноше в уста» (1928), «Чем – не боги же – поэты!» (1928), «Лес: сплошная маслябойня» (1928), «Оползающая глыба» (1928), посмертный цикл

где применяется безмолвная, внутренняя непрерывная молитва, которая «теряет свою внешнюю словесную оболочку, перестает произноситься вслух <...> и в безмолвии пребывает в сердце молящегося»²¹. Так имя Эфрона прак-

²¹ И. Паперно, «О природе поэтического слова: Богословские источники спора Мандельштама с символистами», *Литературное обозрение*, Москва, №1 (1991), с. 30.

тически не произносится в текстах Цветаевой.

Сказка, творимая Цветаевой, была достаточно долгой (Цветаева и Эфрон прожили вместе почти 30 лет) и не очень счастливой. Формула концовки волшебной сказки исполнилась только в том, что Цветаева и Эфрон умерли почти в один день в 1941 г.

„IŠ PASAKOS Į PASAKĄ“: MARINOS CVETAJEVOS IR SERGEJAUS EFRONO ASMENINIŲ SANTYKIŲ FORMAVIMAS M. CVETAJEVOS AUTOBIOGRAFINIUOSE TEKSTUOSE

Natalja Tuganova

S a n t r a u k a

Kai kalbama apie autobiografinius tekstus, visada kyla klausimas apie autobiografinio teksto sąsajas su „tikrove“. Straipsnyje demonstruojama, kokių būdu Marina Cvetajeva kuria santykius su savo vyru Sergejumi Efronu autobiografiniuose tekstuose ir kaip tekstinės strategijos veikia „tikrovę“, „gyvenimą dienoje“, kaip vadino Cvetajeva būtį už kuriamų tekstų ribų.

Nors Cvetajeva po 1922 metų nerašė tekstų, kuriuose Efronas buvęs pagrindinis personažas, jo „pėdsakų“ galima rasti įvairiuose Cvetajevos autobiogra-

finiuose tekstuose. Šie „pėdsakai“ yra dviejų tipų. Pirmas – tai buitinių faktų fiksavimas (kur dirba, kur studijuoja), tokių fragmentų gana daug Cvetajevos laiškuose, ir jų pagrindu atstatomos Efrono biografijos detalės; ir antras – abstraktus pasakojimas apie Efroną. Tokių „pėdsakų“ pasitaiko gana retai, bet jų analizės pagrindu rekonstruojamas aktualus Cvetajevos santykiams su vyru konstruoti modelis ir tuo pat metu aiškėja, kodėl Cvetajevai nepavyko įrašyti Efroną į savo tekstus.

Получено: 2012, сентябрь

Принято: 2012, октябрь

Adres autora:

Europos humanitarinis universitetas

Tauro g. 12

LT-01114 Vilnius, Lietuva

E-mail: l paštas: nbotkina@gmail.com